

В то время, когда Чу Лянь только поступила в университет, она обожала читать разгромные рецензии на любовные романы. Тогда еще не было в ходу термина «шаблонная литература», чаще говорили просто: это же сплошная «клякwa».

Одним из обязательных условий такой кляквы было отсутствие у героев способности разговаривать друг с другом. Когда возникало недопонимание, главный герой мог лишь твердить: «Ты просто выслушай меня», а героиня — только: «Не хочу слушать, не хочу!».

Чу Лянь и представить себе не могла, что однажды сама скажет Линь Юйлин те же самые слова:

— Ты выслушай меня. В соседнюю квартиру въехал человек, которого я знаю еще с начальной школы, поэтому я просто зашла поздороваться. Никакой чертовщины там нет, это у тебя просто нервы на пределе.

Чу Лянь казалось, что это объяснение вполне разумно и логически безупречно. Даже мастер придилок не смог бы найти в её словах ни единой брешки.

Однако Линь Юйлин лишь холодно посмотрела на неё:

— Почему ты не побежала за мной на гастрономической улице?

Чу Лянь остолбенела.

Оказалось, что суть конфликта вовсе не в призраках и не в том, что Чу Лянь якобы была ими одержима. Всё вернулось к самому главному. Она и Линь Юйлин — вот в чем была суть.

Ещё больше Чу Лянь сбивало с толку странное поведение Линь Юйлин этим вечером. Сначала вспышка гнева на улице, потом необъяснимая тяга к сигаретам, а следом — слезные обвинения в том, что Чу Лянь ходила к соседям.

Голос Линь Юйлин внезапно стал пронзительным. Чу Лянь не ожидала, что та способна на такие высокие ноты — возможно, ей стоило попробовать себя в пении, делая ставку на ультразвуковой дельфиний визг.

В смятении Чу Лянь краем сознания подумала: разве Шу Тин не поэтесса?

Линь Юйлин продолжала рыдать, демонстрируя поразительный объем легких; её слезы впитывались в ткань брюк на коленях.

На самом деле Линь Юйлин всегда всё знала. Они не были парой, и Чу Лянь вовсе не собиралась переходить эту черту. Теперь она поняла, в чем заключалась её главная ошибка: она ни разу не задумалась о том, что на самом деле чувствует Линь Юйлин.

— Я так и знала, я должна была догадаться! Шу Тин говорила: если ты по-настоящему меня любишь, я это почувствую. Даже если это просто признание или подарок — это всё знаки внимания. Но ты не сделала ничего! Ты вообще меня не любишь, ты любишь только себя!

Будь Чу Лянь постарше, она бы знала, что правильного ответа на этот вопрос не существует. Линь Юйлин задала вопрос, который ведет к гибели отношений, и ответ был таким же смертоносным. Если бы Чу Лянь могла быть честна с самой собой, она бы признала: она не любит Линь Юйлин.

Пластиковый пакет с раками висел на левом запястье Чу Лянь, из него немного вытек соус. Теперь еда окончательно остыла. Впрочем, если разогреть в микроволновке — можно съесть, при условии, что панцири не взорвутся. Должны выдержать. Чу Лянь положила пакет на обеденный стол. Может, когда Линь Юйлин выплачется, ей захочется перекусить.

Если бы время можно было повернуть вспять, Чу Лянь не знала бы, стали бы они в какой-то момент смотреть вместе «Китайскую девушку ботаника» или «Историю А-Лана». Она знала лишь одно: время не повернуть вспять, и, похоже, сегодняшний вечер станет концом для их отношений.

Чу Лянь молчала. Она не знала, как опровергнуть обвинения Линь Юйлин, не знала, как, подобно искусственному любовнику, умаслить её сладкими речами... Да и к чему всё это?

— Я, черт возьми, спрашиваю тебя: любишь ты меня или нет! Лю-бишь?! Или нет?!

Слезы снова хлынули из глаз Линь Юйлин. Веки от долгого плача покраснели и припухли, глаза блестели, и, глядя на Чу Лянь снизу вверх, она словно метала в неё лучи ненависти.

Её молчание было ответом. Линь Юйлин подтянула ноги к груди, уткнулась лицом в колени и зарыдала в голос.

— Мы закончили. Уходи, — всхлипывая, проговорила она. Она задыхалась, слова выходили невнятными, будто она пыталась имитировать французское грассирование.

— Я люблю тебя, — сказала Чу Лянь.

Коллекция. Все люди — лишь элементы в коллекции. Одиночные элементы.

— Я знаю, что на самом деле ты меня не любишь, — всхлипнула та. — Ты просто держишь меня на крючке. Когда я ушла с ночного рынка, ты даже не подумала погнаться за мной. Ты пошла покупать еду, пошла к соседям, потому что соседи — твои друзья из начальной школы, потому что тебе на меня плевать.

Линь Юйлин выплакалась. Сигарета между её пальцами превратилась в длинный столбик

пепла, она бросила окуроч на пол. Хорошо, что пол бетонный — маленькая искра не устроит пожар.

— Ты любишь меня? — спросила Линь Юйлин.

Когда-то за этим столом она делала домашку и мучилась с микроэкономикой. Но вряд ли у них будет еще шанс посидеть здесь вместе, перекусить доставкой, послушать английский для начинающих или посмотреть Теорию большого взрыва.

Только ради того, чтобы удержать подругу со времен старшей школы, только чтобы убить одиночество, только из-за мимолетного подросткового увлечения — вот почему она сейчас стояла здесь, словно подсудимая. Она когда-то ценила в Линь Юйлин упрямство, но теперь поняла: упрямство иногда перерастает в полное отсутствие логики, прямо как химическая реакция.

Чу Лянь снова промолчала.

Мы закончили. Вот и всё.

Чу Лянь вышла из съемной квартиры Линь Юйлин. У неё было импульсивное желание постучаться к Е Лицин и жалобно сказать: Моя девушка меня бросила, можно мне поплакаться тебе в плечо? Но она отбросила эту мысль. Она не хотела выглядеть в глазах окружающих ничтожеством, и уж тем более не хотела, чтобы Е Лицин посчитала её полной дурой.

Комендантский час в общежитии наступал в одиннадцать, она еще успевала вернуться.

Чу Лянь вздохнула и начала спускаться по лестнице. Она едва не столкнулась с кем-то в дверях — женщина лет тридцати, может, чуть моложе, одета просто, без изысков, в руках сумка для ноутбука. Выглядела она как аспирантка, застрявшая в вузе на лишние годы, или молодой преподаватель. В коридоре было темно, лиц не разобрать, Чу Лянь заметила только огромные очки в черной оправе да волосы средней длины. Женщина торопливо бросила извинение и быстрым шагом направилась вверх по лестнице, подошла к двери Е Лицин и постучала.

Чу Лянь замерла. Кто это?

В её детских воспоминаниях, связанных с Е Лицин, кроме Старого хрыча, никого не было. Чу Лянь никогда не видела её однокурсников, друзей или подруг. Она даже подозревала, что Старый хрыч — вовсе не отец Е Лицин, а какой-то статист, которого та наняла на улице.

Дверь Е Лицин быстро открылась. С того места, где стояла Чу Лянь, было не видно, кто открыл. Незнакомка вошла внутрь, дверь захлопнулась, в коридоре снова воцарилась тишина. Судя по тому, как уверенно та себя вела, они с Е Лицин были хорошо знакомы.

Чу Лянь очень хотелось вернуться, прижаться ухом к двери и послушать, что происходит внутри. Но, во-первых, она не хотела услышать, как они начинают заниматься безумным сексом, а во-вторых, понимала, что Е Лицин наверняка заметит подслушивание. Поэтому она поплелась обратно в общежитие.

Когда в лицо подул влажный летний ночной ветер, Чу Лянь наконец ощутила то самое чувство пустоты, которое, вероятно, и называют разбитым сердцем.

На следующее утро Чу Лянь проспала до обеда. Когда после девяти она открыла телефон, то увидела два сообщения от Линь Юйлин в мессенджере:

«Ты здесь?»

«Утром ела что-нибудь?»

Странно, Линь Юйлин не спросила, сдохла ли она уже.

Чу Лянь не хотела отвечать сразу. У неё тоже была гордость, особенно после того, как вчера вечером Линь Юйлин вылила на неё ушат помоев. Она почти смирилась с фактом, что всё кончено.

Суть проблемы была в том, что Чу Лянь не любила Линь Юйлин. Или, по крайней мере, недостаточно сильно.

Чу Лянь послонялась по кампусу. Ей нестерпимо хотелось увидеть Е Лицин — это было похоже на желание подсмотреть в чужую тетрадь на экзамене, когда не знаешь ответа на вопрос.

Словно воровка, она прокралась к старому жилому комплексу, где снимала квартиру Линь Юйлин, молясь, чтобы не столкнуться с ней в дверях. К счастью, закон Мерфи не сработал. Она постучала в дверь Е Лицин, и та мгновенно открылась, будто кто-то дежурил за ней в ожидании стука.

Но открыла не Е Лицин, а та самая незнакомка, с которой она разминулась в коридоре вчера вечером.

Днем света было достаточно, чтобы рассмотреть женщину получше. Она выглядела старше Е Лицин, вполне возможно, что это была её сестра или тетя. Никакой косметики, простая одежда, но глаза за очками в черной оправе смотрели остро, как рентген, просвечивая Чу Лянь насквозь.

— Сегодня ты рановато. Ищешь Е Лицин? — спросила она с улыбкой. Она выглядела дружелюбной и вежливой, как продавец в магазине с важным клиентом.

Чу Лянь кивнула.

Женщина повернулась и крикнула в сторону спальни:

— Большая Листочка, выходи, к тебе гость!

— Пошла вон! — донесся из спальни голос Е Лицин.

Чу Лянь никогда раньше не слышала, чтобы Е Лицин ругалась, поэтому сразу поняла: отношения между ними, возможно, напоминают отношения Е Лицин со Старым хрычом. По крайней мере, они очень близки.

Е Лицин быстрым шагом вышла в гостиную. Увидев Чу Лянь, она не удивилась, лишь слегка улыбнулась.

— Это Чу Лянь, — сказала она женщине, а затем представила её: — А это Гу Чэн, моя коллега.

Странно, что Е Лицин использовала слово коллега.

Чу Лянь не испытывала симпатии к Гу Чэн. Возможно, всё дело было в том, что вчера Линь Юйлин поминала Шу Тин, а сегодня появилась Гу Чэн. Если сейчас возникнет еще какая-нибудь Си Мужун, она точно сойдет с ума.

Гу Чэн снова окинула Чу Лянь взглядом:

— Так это не тот Старый хрыч, о котором ты говорила?

— Нет.

— Значит, твой новый питомец? — Гу Чэн почесала затылок. — Редкий случай. Но... это на неё не похоже.

Е Лицин метнула в сторону Гу Чэн такой взгляд, будто готова была проломить ей голову, если та скажет еще хоть слово. Чу Лянь никогда не видела Е Лицин такой. Обычно та держалась с ней как мудрый психолог или богиня.

Гу Чэн посмотрела на часы и пробормотала:

— Он, скорее всего, вернется только к одиннадцати.

Затем она снова посмотрела на Чу Лянь с многозначительной улыбкой:

— Располагайся, сестренка. Это дом Большой Листочки, не мой, так что не стесняйся.

<http://bllate.org/book/21516/2207290>